

Экспресс-анкета, проводимая редакцией с читателями по содержанию газеты, выявила пожелание многих подписчиков публиковать материалы по истории округа. Редакция обратилась с этой просьбой к директору окружного архива И. И. Воронину, и он, используя архивные материалы, подготовил серию историко-этнографических очерков, которые мы и намерены опубликовать в газете.

Напоминаем читателям, что в 1990 году округ отмечает свое шестидесятилетие, и мы ждем писем старожилов, ветеранов с воспоминаниями о своей жизни в округе, его людях. Среди читателей немало тех, кто собирает материалы по этнографии, истории округа. Просьба — поделиться через газету собранными материалами. Обращаемся мы также к тем, кто собирает и записывает фольклор нашего края: сказки, легенды, предания народностей севера Камчатки. Ждем ваших писем.

Наша первая публикация — об истории сел Карагинского района.

«ЕСТЬ КОРЯЦКОЕ ЖИЛИЩЕ ПО РЕКЕ КАРАГА...»

В СВОЕМ знаменитом труде С. П. Крашенинников дает сведения о Корякских островах: «На реке Уку-ваем (Уке) и Налачевою есть по острожку. Левый Балаганум, а другой Пилгенгылым... Отсюда начинается жилище сидячих коряк». И далее отмечает: «На левом берегу реки Ганун-Кыг. Оная река для того Русаковой называется, что в прежние годы, после Федота Кочевника, из русских, бывший тогда на Камчатке, один прижил к иноземной девке сына, от которого колена по сие времена ведется и называется русаками; на устье ее живут русаки с родом. Его звали Куму, он же и русак».

Верстах в десяти на север протекает «река Нунгын... казаки прозвали оную Панкрою (Ивашка) по бывшему на южной стороне губы Коряцкому острожку того имени...».

«В губу пала река Карага двумя устьями... на кошке, разделяющей губу, есть иноземский острожек Каталу называемый... Стоит он «верстах в 7 от устья, на высоком месте». И далее «...есть Коряцкое жилище по реке Карага, от устья в 8 верстах над речкою Гаули, которая течет в Карагу с Севера».

«На Карагинском острове живут коряки же ...человек до 100 и более...».

До 80 годов XVIII века коряков-карагинцев насчитывалось примерно 500—520 человек, сюда не включены коряки, проживающие от реки Тымлат, которые относились к олюторским корякам. А коряки-карагинцы занимали территорию от с. Ука до с. Карага.

Непоправимый урон приносили часто повторяющиеся эпидемии. Так, по данным 1775 года, численность коряков немногим превышала 200 человек. По сведениям 1865 года их насчитывалось 276 человек.

По итогам переписи 1897 года карагинцев было 378 человек. Появилось селение Кичига, в котором проживало 107 человек и было приписано 63 оленевода-кочевника. Появилось в 1835 году сообщение о Тымлатском острожке.

Первые поселенцы около Кичиги появились в 1874 году — одно хозяйство, в 1888 — 3, 1889 — 3, в 1890 — 4. Все переселенцы были крещеными коряками. Среди поселившихся из Гижиги были Чечулины, Кирилловы, Варгановы, Баранниковы.

Как известно, в 1885 году на шхуне «Сибирь» восточное побережье Камчатки

обследовал уполномоченный Приамурского генерал-губернаторства А. А. Ресин. По его сообщению, он посетил юрту «единственного обитателя острова Карагинского», который жил со своей семьей в глубине бухты, отделяющейся от моря кошкой. Он встретил на берегу туземцев под тремя опрокинутыми байдарками и в двух палатках из «дрили», которые прибыли для промысла моржей. На низкой береговой полосе (о. Верхотурова) было такое же становище коряк.

В 1897 году И. В. Слюнин, посетивший Камчатку, писал, что жители селений Тымлат, Карага, Олюторка и Вывных приходили на байдарках на о. Карагинский для промысла моржей. К началу XX века американские китобои истребили моржей в этой части Берингова моря, и лежбища совершенно опустели. Они брали только клыки. «Лежбища острова были покрыты сплошь трупами животных», — отмечал И. В. Слюнин.

В конце XIX века остров превратился в территорию постоянного обитания карагинцев, преимущественно оленеводов. Однако быстрое размножение оленей истощало кормовую базу, и коряки вынуждены были перебираться на полуостров.

В 1863 году священник Моисей Колегов «завел школу» при Дранкинской церкви. С пятью корякскими детьми занимался дьячок Кузьма Трапезников.

Просветительская деятельность местных священников ограничивалась «поучениями» при церкви, которые преследовали не только религиозное воспитание, но и обучение детей русскому разговорному языку. Так, по данным переписи 1897 года, уже 7 коряков-карагинцев показали своим родным языком русский.

По данным XVIII—XIX веков, карагинцы были как оседлые, так и кочевые. Кочевники имели сравнительно небольшие стада оленей. Они кочевали в непосредственной близости от оседлых поселений. В 1846 году И. Вознесенский около с. Карага «ездил к оленному коряку олюторцу Кэльяну, он кочевал в одной юрте, в которой было три полога и обитателей человек 20 обоего пола». «Оленей у юрты было штук до 100 и достаточное количество грузовых нарт». Он же писал, что некоторые укинцы имеют оленей.

В. Г. Богораз отметил в своем дневнике путешествия в 1900—1901 годах о карагинцах, что «у них табунчи-

ки в 50 оленей, не больше. Питаются коряки почти исключительно юколой. Оленей убивают только на праздники». А про Кичигу он записал: «Рыбы много. Нерп мало, жиру совсем нет. Оленей в этой стороне мало, мяса совсем мало».

В основе хозяйства оседлых карагинцев лежало рыболовство. Оно дополнялось морским зверобойным промыслом на ластоногих, охотой на оленей, горных баранов, медведей и пушной охотой, главным образом на лисиц и соболей.

Со второй половины XVIII века карагинцы постепенно обзаводятся огнестрельным оружием.

С 1901 года начало развиваться промышленное рыболовство, появились первые промышленные рыбалки, куда местное население продавало излишки своих промыслов, но оно не привлекалось к работе на рыбалках.

Карагинцы занимались животноводством и огородничеством. Первые следы животноводства и коневодства обнаруживаем в 1836 году. Коровы были в Уке — 2 головы, в Дранке — 4, лошади были Хайлюле — 1 и в Ивашке — 4.

В 1900 году В. Г. Богораз, будучи в Караге, отметил, что там можно получить немного молока и картофеля.

В XVIII веке карагинцы проживали небольшими поселениями, расположенными по берегам рек не далее чем в 10—20 км от устья. Крашенинников в числе строений называет юрты, юрочки, барабаны (травяные шалаши), земляные барабаны, балаганы.

К числу построек нового типа этого времени, ранее неизвестных в корякских селениях, нужно отнести бани. Бани были в селении Хайлюля и Дранке.

В основном на протяжении второй половины XIX века традиционные жилые постройки были заменены срубными домами, частично якутскими юртами.

Внутреннее устройство юрт ничем не отличалось от жилищ других коряков. На нарах в юрте люди спали, ели и работали. Посуда их состояла из деревянных и берестяных сосудов. Для хранения сыпучих продуктов (орехи, ягоды, корни) плели из морской осоки мешки, корзины.

Одежда карагинцев изготавливалась из шкур оленей, диких баранов, нерп, которые обязательно красили корой ольхи.

О культурно-бытовых особенностях карагинцев XVIII—XIX веков имеются лишь отдельные замечания. С. П. Крашенинников отмечал, что: «Свадьба, родины и похороны отправляются у них по камчатскому обычаю».

Говоря о строгости семейных нравов коряков, И. Вознесенский отметил, что «корякские замужние женщины никогда не носят хорошего платья снаружи, а всегда под грязной и грубой паркою и кухлянкою, лица и рук не моют для того, чтобы не понравиться чужим, кроме мужей своих, которые, впрочем, из опасной ревности этого сами желают от них и требуют», «за жену отработывают 3—4 года». С. П. Крашенинников описал праздник «Хололо».

И. ВОРОНИН,
директор
окружного архива.